

Annotation

Небольшой рассказ, действие которого происходит во вселенной Империи Радх за десятилетие-полтора до «Слуг Правосудия». Повествует о некоторых подробностях биографии Брек. И не только... Опубликован в сетевом журнале Strange Horizons в 2014 году. Иллюстрация Tory Hoke.

- [Энн ЛЕКИ](#)

○

Энн ЛЕКИ

Она велит, я повинуюсь

Обитатели Ноаж Итрая могли, подняв глаза, увидеть в десяти милях над головой корт для игры в мяч, шириной четыре мили и длиной пятьдесят от линии до линии. Вдоль каждой стороны тянулись ряды сидений на подпорках, отклоненные вверх и назад. По всей тридцатипятимильной длине цилиндра станции в ярком отраженном солнечном свете раскинулись, прильнув к закругленным внутренним стенам, здания и сады. Ноаж Итрай считался самым крупным и богатым среди четырех поселений на станциях этого Округа, второго по старшинству их четырех Округов.

Доказательством его древности под кортом, в портике, стояли ряды статуй в натуральную величину: они подавали, приседали, прыгали навстречу мячу. Тщательно разукрашенные фиксаторы запястий, драгоценности на руках и шеях, едва заметно мерцающие в тени — каждую статую воздвигали по результатам выборов на корте Голубой Лилии, проходивших на станции Ноаж Итрай раз в семь лет.

Их называли Сотней, но Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную насчитал здесь триста семьдесят две статуи. В дни соревнований каждую украшали цветами. Воздух наполнялся тяжелым ароматом и произносимыми полусшепотом молитвами почитателей, потоком струящихся мимо, на стадион. Сегодня же запах едва можно было ощутить, и Сотня глядела в пустое молчаливое пространство, от которого веяло холодом.

Позади, в тускло освещенном уголке, стояла статуя-любимица Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную: женщина. Здесь это было редкостью, но не сказать чтобы неслыханной. Ее-Дыхание-Объемлет пришел в монастырь Голубой Лилии в возрасте четырех лет (сейчас он стал старше, ему скоро должно было исполниться двенадцать), и уже тогда статуя привлекла его. Ее нельзя было назвать особенно красивой. Никаких драгоценностей, только короткие штаны для игры в мяч и фиксатор, тоже без украшений, прикрывающий руку от запястья до локтя. Статуя была изображена не в прыжке и не в приседании; она стояла, опустив руки по бокам, слегка склонив голову, словно прислушиваясь к голосу, которого более никто не

слышит. Но Ее-Дыхание-Объемлет видел в статуе личность. Имя на пьедестале у ног изваяния гласило: Она-Велит-Я-Повинуюсь. Для маленького мальчика, скучавшего по няне и окруженного незнакомцами в холодном чужом месте, ее лицо было воплощением дружелюбия.

Каждый день одному из монахов или, чаще, послушнику низкого ранга вроде Ее-Дыхание-Объемлет, полагалось останавливаться в портике, предлагать статуям церемониальное угощение из вареной рыбы и называть их по именам. К девяти годам Ее-Дыхание-Объемлет выучил список наизусть, но нужного ему имени там не оказалось. Он пересчитал имена. Триста семьдесят одно имя, триста семьдесят две статуи обожествленных игроков в мяч.

Его беспокоило, что любимицу обходили вниманием при ежедневных приношениях. Ее забросили, о ней забыли. Так нечестно. И Ее-Дыхание-Объемлет знал ее тайну. Если встать как раз справа от статуи, так что пальцы босых ног коснутся пьедестала у ее босых ног, и наклонить голову под нужным углом, он услышит то, что слышит она: голоса в келье, отстоящей от этого места на триста метров, где высшие духовные лица монастыря зачастую совещались. Насколько было известно Ее-Дыхание-Объемлет, никто больше не подозревал, что помещение прослушивается.

Аббат, которого звали Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти, проявлял необычный интерес к образованию Ее-Дыхание-Объемлет. Он не раз говорил Ее-Дыхание-Объемлет, что знание того, что неведомо другим, обязательно дает преимущество. Он намекал не раз, что любое преимущество само по себе может отделить жизнь от смерти. Ее-Дыхание-Объемлет лишь недавно понял, почему для аббата эти наставления были, вероятно, болезненны, но даже маленьким принимал их близко к сердцу. Когда он совершил свое открытие, то стал посещать Она-Велит-Я-Повинуюсь так часто, как только мог, не возбудив подозрений.

Иногда его встречала только тишина. В другие дни — скучные, практически непостижимые для него теологические споры. Сегодня обсуждалась Игра.

— ... как говорят, женщина. Харимейский корабль причалил сегодня утром.

Этот голос принадлежал Кефалю Бренду, губернатору станции.

Через три дня состоится Игра, в ходе которой определится будущее Кефаль Бренда. В зависимости от ее исхода он продолжит исполнять обязанности тетрарха или же будет смещен со своего поста. Ее-Дыхание-Объемлет часто слышал его выступления по широкоэвangelической сети. И знал, хотя не должен был, что тетрарх приходится Ее-Дыхание-Объемлет старшим, намного старшим братом.

— Ну что ж, — сказал аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти, — если она красива, то, несомненно, обретет популярность среди Сотни.

Краткая пауза. Ее-Дыхание-Объемлет потянулся: его плечи ныли от долгого стояния в поклоне перед Она-Велит.

— И что вас тревожит? — спросил аббат.

— Голубая Лилия не знала поражений на последних десяти выборах, в обычной игре одолеть ее практически невозможно. Белая Лилия сильна, но не так хороша, как Голубая. Исход игры очевиден. Губернатор Хариме не может заблуждаться на сей счет, он хорошо знает, что места в Совете ему не видать, он знает, что капитан Белой Лилии, кто б то ни оказался, умрет под конец игры. Он с таким же успехом может воспользоваться этой возможностью для устранения неудобной персоны. Я узнал имена четырех наиболее вероятных кандидатов, но явилась... эта женщина.

— А-а. Вы не любите сюрпризы.

— Сюрпризы, — молвил тетрарх Кефаль Бренд, — суть симптомы ошибочной информации.

— Или ошибочных предпосылок, — сказал аббат. — Хотите знать, что обнаружил Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам?

Пауза.

— Он вышел встречать их после стыковки. Последние полтора года эта женщина защищала честь заштатного харимейского конвента. Очень малочисленного, но она хороший игрок в мяч, при всем при том. Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам говорит, что она показалась ему фанатичкой.

Голос аббата Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти едва ощутимо переменялся, стал чуть более ровным и спокойным. Такой

тон был хорошо знаком Ее-Дыхание-Объемлет и означал, что аббат желает высказать несколько больше, нежели следует из его слов.

— Наш капитан, монах Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам, возможно, не столь благочестив, как подобает.

Ответ тетрарха, брата Ее-Дыхание-Объемлет, не удалось услышать. Голос среди статуй Сотни заставил мальчика испуганно вздернуть голову, сердце его заколотилось.

— Вы не тратили времени даром! — сказал Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам, и его уверенный тенор эхом раскатился в портике.

Ответил незнакомый голос.

— А зачем терять время, брат?

Голос был женский, акцент — старомодный, слова — артикулированные со странной старательностью. Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную, услышав его, подумал почему-то о певцах, хотя не был уверен, что это певица.

Семь-Сверкающих-Истин рассмеялся. Ее-Дыхание-Объемлет все еще стоял в поклоне перед Она-Велит-Я-Повинуюсь, едва осмеливаясь дышать. Семь-Сверкающих-Истин был героем у младших послушников. Зубы он заменил муассанитовыми протезами, и каждый раз, как улыбался, а делал он это часто, они ослепительно сияли на темном лице. Он носил скромную монашескую рясу с таким видом, словно то были богато украшенные и расшитые драгоценностями одеяния тетрарха. Он неизменно был снисходителен и ласков, даже потакал мальчишкам монастыря Голубой Лилии, но когда Ее-Дыхание-Объемлет представил, как Семь-Сверкающих-Истин обнаруживает его здесь за частной молитвой и, что еще хуже, подслушивающим, у него неприятно загорелись щеки от стыда.

— Я так понимаю, стоит вас друг другу представить, — сказал Семь-Сверкающих-Истин женщине. Присутствия Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную он, к счастью, все еще не обнаружил. — О благословенная Сотня, многочисленная, как солнца, кратковечная и сверкающая, подобно кометам, о дети Богини, гаранты Ее милосердия, представляю вам сестру Окончательное-Правосудие-Свершится, которая присоединится к вам три дня спустя.

Это, наверное, прибыла капитан команды Белой Лилии со станции Хариме. Ее-Дыхание-Объемлет осторожно шевельнулся, и аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти сказал ему в ухо:

— Разумеется, мы будем за ней наблюдать.

Тетрарх Кефаль Бренд с сомнением хмыкнул.

— Проблема не в ней. Женщины...

Ее-Дыхание-Объемлет слегка изменил позу, и голос тетрарха пропал.

— Улетайте, сестра. Возвращайтесь покамест на Хариме, поговорите с людьми, благословите детишек. Они вашу икону на рынке станут покупать и приводить к ней детей, хвастаясь, что встречались с вами лично перед тем, как я вам голову с плеч на корте снял.

Ее-Дыхание-Объемлет знал, что Семь-Сверкающих-Истин говорит буквальную правду: все знали, что Голубая Лилия одержит победу, а капитан Белой Лилии умрет на корте в конце игры. Но услышав, как эти слова произносят с такими хвастовством и откровенностью, Ее-Дыхание-Объемлет испытал странное отвращение. Он снова шевельнулся.

— ...нечно, тетрарх, ваша мать, что покинула нас...

— Кстати, а чему вы моего брата учите?

— Насколько я понимаю, — сказал аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти, — ваш брат Кефаль Ареш в бегах.

— Нас не подслушивают? Вы меня убеждали в этом.

— Нет. Вообще-то это место одно из самых надежных в отношении прослушки на всей станции, а не только в монастыре.

Смешанные чувства — вина и восторг — обуяли Ее-Дыхание-Объемлет. Он никому не говорил об открытии, сделанном у ног Она-Велит-Я-Повинуюсь. Он себе твердил, что, знай об этом аббат, то одобрил бы такое поведение. С другой стороны, аббат был бы весьма разочарован, окажись Ее-Дыхание-Объемлет с очевидностью неспособным применить уроки на пользу.

— Ну и? — сказал тетрарх Кефаль Бренд. — Избавьте меня от этого словоблудия.

Спина у Ее-Дыхание-Объемлет ныла. Разговор между Семь-Сверкающих-Истин и сестрой Окончательное-Правосудие продолжался, но его сейчас ничто не могло бы оторвать от беседы аббата и тетрарха.

— Монах отсекается от всех общественных и родственных связей, — отвечал аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти, — вследствие обета принять новую личность. Не думаю, что стоит вам это лишний раз объяснять.

Раздраженный вздох.

— Чему вы учите послушника Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную?

— Обычным вещам, и только.

— Не шутите со мной, аббат. Я с вами сам когда-то занимался. Убить моего младшего брата было бы легче, нежели устроить его сюда. Пускай учит свои литании — и не более, или я могу пересмотреть свои взгляды на то, что удобно, а что неудобно.

Ее-Дыхание-Объемлет охватило странное чувство: дрожь, выползающая одновременно из желудка и затылка. Это случилось за миг до того, как он в полной мере осознал смысл слов, только что сказанных Кефалем Брендом.

— Не притворяйтесь, что шокированы, — продолжил тетрарх, брат Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную. — Вы не хуже меня умеете играть в политические игры.

— Вы этому в значительной мере научились именно от меня, — подчеркнул аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти. — Но кое-чему я вас научить оказался бессилён. Вы полагаете, что любая жалость либо неискренна, либо глупа. Но как бы ни был я жесток и привержен политике, а я обязан быть жесток и привержен политике для блага монастыря, я остаюсь слугой...

На плечо Ее-Дыхание-Объемлет опустилась сильная рука. Он отнял руки от основания статуи, поднялся, выпрямился и покрутился на месте. На него, хмурясь, смотрел Семь-Сверкающих-Истин. Ее-Дыхание-Объемлет тупо заморгал.

— А-а...

— Оставьте ребенка, — сказала сестра Окончательное-

Правосудие. Ее-Дыхание-Объемлет обернулся и наконец увидел ее четко: женщину в простом коричневом одеянии монашки, с коротко стриженными волосами. Темное лицо ее выглядело немного необычно, но чем именно отличалось от знакомых, Ее-Дыхание-Объемлет не смог бы сказать. Она выглядела собранной, как и ее речь, и уверенной, какова и была, такой уверенной, словно в тех местах, куда ступали ее ноги, они моментально укоренялись в поверхности. Он задумался, что имел в виду Семь-Сверкающих-Истин, сказав, что у нее вид фанатички.

Семь-Сверкающих-Истин смотрел на него странным взглядом и не улыбался. Не то чтоб он был рассержен, нет, это что-то другое.

— Она твоя любимица?

Ее-Дыхание-Объемлет снова кровь бросилась в щеки.

— Да.

На лице Семь-Сверкающих-Истин возникло и быстро пропало тревожное выражение. Он снял руку с плеча Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную и оглянулся, словно собираясь отступить на шаг.

— Это очень похвально, — сказала сестра Окончательное-Правосудие, тщательно выговаривая каждый звук. — Можешь ли ты больше рассказать мне о ее игре?

— Она не из игроков, — Семь-Сверкающих-Истин спас Ее-Дыхание-Объемлет, не дав тому выказать свое невежество. — Не из Сотни. Она, гм, как вы бы сказали, символ, идея...

— Аллегория.

— Да.

На лице Семь-Сверкающих-Истин снова возникло странное выражение и на сей раз задержалось. Он посмотрел на Ее-Дыхание-Объемлет.

— Но ты этого не знал.

Ее-Дыхание-Объемлет жестом показал, что нет. Он рад был бы сквозь землю провалиться. Ему ничего не хотелось объяснять, не хотелось никому показывать, какой он еще в сущности ребенок. Не хотелось озвучивать: *когда я был маленьким, она стала мне подругой*. Он ожидал, что Семь-Сверкающих-Истин спросит, отчего выбрана именно эта статуя, или попытается его поддразнить. Но монах сказал:

— Она тут скорее для гостевых команд, чем для нас, в эти дни, по крайней мере. Когда Та-Кто-Явилась-Из-Лилии повелевает... — Он резанул горло ребром ладони. — Следует подчиниться. Вы меня понимаете, сестра.

Он снова усмехнулся. Сверкнул муассанит.

— Да, — согласилась та без малейших признаков беспокойства.

— Она была особым объектом поклонения аббата Пусть-Ее-Веления-Станут-Зеркалом-Твоего-Сердца, ты знал об этом, паренек?

— Нет.

Семь-Сверкающих-Истин обернулся к сестре Окончательное-Правосудие.

— Несомненно, вы о нем наслышаны, сестра. Пусть-Ее-Веления-Станут-Зеркалом-Твоего-Сердца медитировал у монастырского пруда с двумя учениками, когда телесно вознесся из этого мира и был принят Богиней. Он физически перешел из этого мира в следующий. Подлинный святой.

— Из двух учеников, наблюдавших это, — заметила Окончательное-Правосудие, — один стал аббатом, заступив ему на смену. Второй вскоре умер.

— Вы изучали историю Голубой Лилии.

— Нет, — сказала она. — Такое развитие событий очевидно.

Семь-Сверкающих-Истин сморгнул, нахмурился и отступил на шаг от Окончательное-Правосудие.

— Предоставлю вас вашим молитвам, брат, сестра.

Он отвесил легкий поклон, развернулся и ушел. Ее-Дыхание-Объемлет мог бы поклясться, что Семь-Сверкающих-Истин обеспокоен. Это его напугало.

— Он боится тебя, — сказала Окончательное-Правосудие грубоватым голосом, тщательно выговаривая слова. Будто прочла его мысли. — Расскажи мне, ты так же амбициозен, как твой брат?

— Чт... — То самообладание, какое сумел себе вернуть Ее-Дыхание-Объемлет, развеялось вновь. — Как?..

— Когда ты в последний раз смотрел в зеркало?

Ее-Дыхание-Объемлет не ответил. Сестра Окончательное-Правосудие продолжала:

— Ребенку сложно в такой ситуации. Дам тебе совет. Следи за теми, кто рядом. Если ты амбициозен, держи язык за зубами. Или окажешься в компании с рыбами и подлинным святым на дне монастырского пруда.

Внезапно до Ее-Дыхание-Объемлет дошла подоплека истории, только что рассказанной Семь-Сверкающих-Истин: уверенность сестры помогла. Он уже сотни раз слышал ее, но только сейчас ему в голову пришла идея о возможном убийстве. Он вспомнил слова брата: *я могу пересмотреть свои взгляды на то, что удобно, а что неудобно*. Ему стало дурно.

Сестра Окончательное-Правосудие мягко улыбнулась, стоя так, словно ноги ее вросли в камень.

— Чему ты учишься, вознося молитвы Она-Велит-Я-Повинуюсь?

Она знает, подумал он, понимая, однако, что это невозможно. Откуда бы ей знать? Он открыл было рот для ответа и тут вспомнил только что услышанные от нее слова.

— Ты быстро учишься.

Ее улыбка не изменилась.

* * *

В день игры Ноаж Итрай затопило бескрайнее голубое море, не считая неправильного белого клочка близ одного конца и по направлению вращения, где гости с Хариме покрыли свои палатки белым. Аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти приказал Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную сопровождать его на корт, так что тот стоял сразу за линией Голубой Лилии с мягко дымящейся курильницей в руках. Тетрарх Кефаль Бренд стоял по другую руку аббата — высокий, с длинным и угловатым темным лицом, волосы зачесаны назад и заплетены декоративными атласными ленточками, виду не подает, что заметил присутствие Ее-Дыхание-Объемлет. Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам готовился получить благословение аббата. На нем была свободная ряса из алого

атласа, окаймленная золотой нитью и расшитая небольшими голубыми лилиями. Золотые украшения свисали с мочек ушей и наслаивались на шею под венками синих и оранжевых цветов. Трое других игроков Голубой Лилии были разодеты соответственно, но менее роскошно. Он получил столько даров, и в том числе весьма дорогих, что даже отдай монастырю свою долю, все равно купался бы в деньгах.

Перед ними, за линией, расстился корт. Он был окружен стенами высотой четыре метра, и по обе стороны глядели друг на друга болельщики Голубой и Белой Лилий. Все трибуны оказались забиты до отказа, кроме мест перед центральной линией, которые отводились аббату и тетрарху Кефалю Бренду. Напротив, на трибуне Белой Лилии, также имелось незанятое место — для губернатора Хариме. Толпа пестрела красочными одеждами и цветами. Монахи монастыря Голубой Лилии — коричневая полоса на центральной линии трибуны Голубых, — постились со вчерашнего дня и должны были продолжать пост еще значительное время после завершения игры, но светским зрителям в это утро пост не вменялся. Аромат выпечки и сушеных фруктов, которыми обменивались болельщики, забивал благовония и кружил голову Ее-Дыхание-Объемлет в ожидании.

— Брат Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам, — сказал аббат, — я должен тебе кое о чем напомнить, прежде чем мы переступим линию.

За линией командам было позволено общаться в частном порядке. Но переступи ее, и каждое слово, каждый звук будут усилены для болельщиков, ретранслированы для всех, кто смотрит матч в домах с синими крышами, что закруглялись повсюду вокруг, и на кораблях рядом со станцией, а в конечном счете — для жителей всех остальных станций и Округа, управляемого Советом Четырех. Сверкнула муассанитовая усмешка Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам.

— Это твоя первая игра на выборы, — сказал аббат. — Как тебе известно, прежде чем стать аббатом, именно я исполнял функции капитана Голубой Лилии. Трижды я приводил мать тетрарха Кефаля Бренда в Совет Четырех. В первый раз мне это было тяжелее всего.

Он помедлил, глядя на теснившихся по стенам зрителей, и покачал головой.

— Мы вчера вечером говорили об аллегории Она-Велит-Я-Повинуюсь.

Семь-Сверкающих-Истин перевел взгляд на Ее-Дыхание-Объемлет, потом обратно на аббата, который продолжал:

— Ты не понимаешь ее значения. Беспрекословно повиноваться обязан не только капитан проигравшей стороны, но и капитан победителей.

— Разумеется, аббат, — сказал Семь-Сверкающих-Истин.

— Ты не понимаешь. Ты не поймешь, покуда не приставишь лезвие к ее горлу, не увидишь, как брызжет кровь и с каким выражением она умирает. И, может быть, даже тогда, хотя я надеюсь, что это не твой случай. Для всех нас будет лучше, если не твой.

— Сестра набожней десятка наших, — сказал Семь-Сверкающих-Истин. — Она не боится.

Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти вздохнул.

— Я буду молиться во время игры и после нее. За тебя и за брата Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную.

Аббат возложил руку на плечо Ее-Дыхание-Объемлет, и Ее-Дыхание-Объемлет с неожиданной тревогой осознал присутствие своего брата тетрарха Кефалья Бренда по другую руку наставника.

— Начнем же, раз тебе не терпится пролить кровь.

Все вышли к центральной линии встретить команду Белой Лилии. Сестра Окончательное-Правосудие облачилась в простые короткие штаны, покрыла плечи и грудь единственным широким венком из белых лилий, а на руку натянула фиксатор запястья. Она стояла у центральной линии молча, опустив руки по сторонам, и, слегка скосив голову набок, без всякого выражения глядела на них.

Рядом с ней стоял губернатор Хариме. Он был старше Кефалья Бренда, ниже ростом и круглолиц. Он также зачесал назад темные волосы, но губернаторская мантия не слишком хорошо на нем сидела, обвисая по бокам. Партнеры по команде выстроились за ее спиной. Все в том же расшитом атласе, украшениях и цветах, как заведено было у игроков Голубой Лилии.

Кефаль Бренд вышел в центр корта.

— Кто будет играть за меня? — задал он ритуальный вопрос звучным уверенным голосом.

— Я, брат Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам, буду играть за тебя! — возвестил Семь-Сверкающих-Истин, дав ритуальный ответ. Сверкнула его муассанитовая усмешка, а болельщики Голубой Лилии на трибунах взорвались смехом и аплодисментами.

Губернатор Хариме вышел в центр и остановился напротив Кефаля Бренда. Но вместо ритуального вопроса произнес:

— Были времена, тетрарх, когда нам с вами пришлось бы сыграть в эту игру самим.

Тишина и озадаченные шепотки на трибунах.

— Порой я задумываюсь, не лучше ли было бы рискнуть самим. Или, возможно, отказаться от практики казней вообще. Разве правильно это, перекладывать на наших капитанов бремя, которое мы обязаны нести сами?

Он (грустно, как показалось Ее-Дыхание-Объемлет) покачал головой.

— Кто будет играть за меня?

Ответила, с привычной тщательностью, Окончательное-Правосудие.

— Я, сестра Окончательное-Правосудие-Свершится, буду играть за тебя.

Воспоследовали вежливые аплодисменты.

Ее-Дыхание-Объемлет понял, что огорчен. Это Игра, перед которой остальные игры — только тренировка. Аббат однажды сказал ему, что поле Игры — место, где планирование и маневры подчинены воле Той-Кто-Явилась-Из-Лилии. Капитан команды бесповоротно подчиняется Ее желаниям. Люди на трибунах знали, что сестра Окончательное-Правосудие обречена, и не сумели выдать из себя ничего больше, кроме этих скудных аплодисментов. Так неправильно. Так нечестно.

Следующие десять минут аббат молился, благословлял капитанов, за ними игроков на среднем и дальнем кортах, испрашивал благословения Той-Кто-Явилась-Из-Лилии для зрителей,

станции, Округа и территории Совета. Он принял курильницу у Ее-Дыхание-Объемлет и повел ее дымом в сторону тетрарха, губернатора Хариме и двух капитанов. Продолжая улыбаться, Семь-Сверкающих-Истин вытянул руки, с тремя-четырьмя кольцами на каждом пальце, так, чтобы дым овеял их. Его товарищ по команде со среднего корта выступил вперед и повторил движения, а следом игрок с заднего корта.

У сестры Окончательное-Правосудие руки были кряжистые и без украшений. Она ненадолго задержала их в дыму и отошла в сторону, пропуская игрока со среднего корта. Когда тот выступил вперед, Ее-Дыхание-Объемлет поразился разнице между его руками, затейливо украшенными, и простыми скромными руками сестры Окончательное-Правосудие. Золотая сетка, в которой поблескивали драгоценные камни, покрывала правую руку игрока среднего корта от фаланг до запястья, а затем распадалась на отделанные драгоценностями нити, свисавшие подобно бахроме с тыльной стороны, до самого локтя и предплечья. В дыму сетка переливалась красным, желтым и зеленым. Она поражала и привлекала внимание своей почти варварской красотой. Ее-Дыхание-Объемлет никогда не видел ничего подобного. Игрок со среднего корта поднял голову, перехватил взгляд Ее-Дыхание-Объемлет и усмехнулся. Ее-Дыхание-Объемлет испытал отвращение. Одна из самых важных игр в жизни этого человека, его капитан умрет в конце матча, а он тут усмехается так пренебрежительно.

* * *

Аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти сидел перед центральной линией корта на трибуне Ноаж Итрая. Место рядом с ним занял Кефаль Бренд, а точно напротив, на трибуне для болельщиков Хариме, восседал харимейский губернатор. По другую руку тетрарха устроился иномирец: бледнолицый, необычной внешности, говорящий с резким акцентом. За спиной аббата Ее-Дыхание-Объемлет шепнул соседу, послушнику постарше:

— А кто это?

— Это торговец-иносистемник. Ему нужны контракты и концессии. Хочет гибкую тарифную сетку и скидки на постой. Он с тех пор, как прибыл, тетрарха просто осыпает драгоценностями и

иномирскими деликатесами. Я слышал, что...

Но Ее-Дыхание-Объемлет не суждено было узнать, что именно слышал его сосед. Начинался матч.

Обе команды сняли атласные одеяния и драгоценности (Окончательное-Правосудие ограничилась тем, что сбросила венок из лилий), оставшись в коротких штанах и фиксаторах. Игроки среднего и дальнего кортов на каждой стороне заняли свои места, а два капитана встали друг перед другом у центральной линии.

Первыми подавать выпало команде Белых, и Окончательное-Правосудие послала мяч в сторону линии Голубой Лилии с такой силой, что игрок на заднем корте, не ожидавший этого, неловко задел мяч краем фиксатора. Мяч отразился от стены харимейской трибуны. Игрок среднего корта Голубой Лилии нырнул за ним, приземлился лицом в корт, но успел ударить по мячу, не дав тому коснуться площадки. Окончательное-Правосудие резким быстрым размашистым движением послала его по дуге в сторону стены, ограждавшей трибуну Ноаж Итрая, и тем поставила Голубой Лилии трудную задачу, ведь те до этого пытались поймать мяч после отскока от противоположной стены.

Но Семь-Сверкающих-Истин был проворен. Он догнал мяч и резко вернул его через центральную линию. Игрок среднего корта Белой Лилии попытался отразить мяч, но тот улетел на трибуны: нарушение правил.

Зрители на трибуне Хариме сперва реагировали вяло, но после нескольких розыгрышей сообразили, что сестра Окончательное-Правосудие намерена играть на победу. У игрока среднего корта Белой Лилии день не задался: пока Ее-Дыхание-Объемлет наблюдал за игрой, тот дважды отбил мяч на трибуны. Окончательное-Правосудие, однако, давала Голубой Лилии достойный отпор, играла она куда лучше, чем все ожидали. Хотя команда Голубой Лилии выиграла три очка подряд, энтузиазм болельщиков Хариме нарастал. Ее-Дыхание-Объемлет с удовлетворением заметил, как Семь-Сверкающих-Истин, в начале игры такой улыбчивый и самоуверенный, теперь сражается за каждое очко.

Торговец наклонился к тетрарху Кефалю Бренду, поднял руку и жестом указал на мяч, который как раз перелетел линию Белой Лилии.

С тыльной стороны его руки свисало украшение, почти полностью идентичное замеченному Ее-Дыхание-Объемлет на кисти игрока среднего корта из команды сестры Окончательное-Правосудие. Ее-Дыхание-Объемлет проследил взглядом свободно болтавшиеся цепочки на верхнем предплечье. Нахмурился. Это что же, торговец одаривал игроков Белой Лилии?

— Голубая Лилия обязана выиграть следующий розыгрыш, — сказал торговцу Кефаль Бренд, отвечая на вопрос, которого Ее-Дыхание-Объемлет не слышал, увлекшись созерцанием украшений купца. — Если же выиграет это очко Белая Лилия, то счет обнулится, и игра начнется снова.

— Каждый раз? Даже если так будет продолжаться?

— Был матч, — заметил аббат, — много веков назад. Он длился два месяца шесть дней.

— Надеюсь, эта игра не затянется так надолго! — воскликнул купец. — Я люблю спорт, но надо же меру знать.

Было ясно, что коммерсант не имеет никакого понятия о правилах игры. И он тут явно подлизывается к тетрарху, так что, если взялся одаривать игроков, то ему было бы логично выбрать кого-нибудь из команды Голубой Лилии. Так откуда же у игрока среднего корта Белой Лилии такое украшение?

Ее-Дыхание-Объемлет припомнились слова соседа: *Он с тех пор, как прибыл, тетрарха просто осыпает драгоценностями и иномирскими деликатесами.*

Торговец вполне мог бы подарить такое украшение и самому Кефалю Бренду.

— Неважно, сколько продлится игра, — заявил аббат. — Все, что мы делаем, свершается волею Той-Кто-Явилась-Из-Лилии.

Но, постиг Ее-Дыхание-Объемлет, Кефаля Бренда совсем не заботит воля Той-Кто-Явилась-Из-Лилии. Сестра Окончательное-Правосудие — да и сам Ее-Дыхание-Объемлет, если уж на то пошло, — не более чем потенциальное препятствие на пути Кефаля Бренда к свершению его желаний. Ее-Дыхание-Объемлет, видимо, под защитой аббата. А кто же защитит сестру Окончательное-Правосудие, если ее собственный игрок среднего корта получил взятку за провал матча?

— Я в туалет, — проямлил Ее-Дыхание-Объемлет, встал, с извинениями протолкался через толпу послушников и спустился по лестнице в холодный тихий портик, где его встретили взгляды Сотни.

У двери, ведущей на половину корта Белой Лилии, стоял монах. Наверху шумели зрители да изредка перекрывало удары мяча о стены ворчание игроков.

— Чего тебе, брат? — спросил монах Белой Лилии.

— Я должен поговорить с сестрой.

— Уходи.

— Вы не понимаете. Я *должен* с ней поговорить.

Розыгрыш завершился фолом: Ее-Дыхание-Объемлет услышал сигнал. Монах Белой Лилии со вздохом отступил на шаг и сделал знак. Мгновением позже Ее-Дыхание-Объемлет услышал сигнал к перерыву, и к двери подошла Окончательное-Правосудие-Свершится.

Ее-Дыхание-Объемлет привык взирать на почти обнаженную Она-Велит-Я-Повинуюсь, но то ведь просто статуя. Сестра Окончательное-Правосудие же была настоящая. Женщина. Руки и ноги мускулистые, в полосах грязи от нырков за мячом. Ее-Дыхание-Объемлет быстро перевел взгляд на ее лицо, ибо, глядя в упор на ее голые груди, почувствовал беспокойство. Но это чувство не оставляло его: оно проступало в запахе ее пота, в ее непоколебимо прочном присутствии. Она молчала. Стояла и смотрела на него без всякого выражения.

* * *

Она его пугала.

Он сглотнул слюну.

— Тут торговец-иносистемник, — произнес он, стараясь, чтобы голос не дрожал, и чувствуя некоторую нереальность происходящего. — Он приносит тетрарху дары. Ему нужны контракты.

Он снова остановился сглотнуть слюну.

— У него этот странный браслет, или что-то похожее. Захватывает всю руку и поднимается по кисти, и...

С таким же успехом он мог бы не говорить вообще. Выражение ее лица не менялось, она ничем не выдавала реакции на его присутствие.

— И ваш игрок со среднего корта перед игрой носил такое же украшение. Только оно было другого цвета. Я никогда раньше ничего похожего не видел.

Она не спросила, что он имеет в виду и уверен ли, и соображает ли, что делает. Она лишь развернулась и, не сказав ни слова, пошла обратно на корт.

Ее-Дыхание-Объемлет повернулся и как можно спокойнее пошел прочь, углубившись в Сотню, но на Она-Велит-Я-Повинуюсь в этот раз смотреть не стал. Он смежил веки, сделал три глубоких вдоха, пожалел, что здесь так много цветов, открыл глаза и поднялся по лестнице на трибуну монахов Голубой Лилии. Когда он сел на свое место, Семь-Сверкающих-Истин выполнил подачу, и Окончательное-Правосудие бы вернула ее — но игрок среднего корта, бежавший за мячом, споткнулся и упал на нее, а мяч полетел дальше, прямо к цели. Игрок заднего корта в последний момент отбил его, но прямо на трибуны.

Болельщики команды Хариме в унисон застонали: начало игры не вызывало у них такого живого отклика. Губернатор Хариме, казалось, вообще никак не отреагировал.

— А это что? — озадаченно спросил послушник рядом с Ее-Дыхание-Объемлет. Игрок на дальнем корте Белой Лилии подошел к товарищу со среднего корта и, казалось, собрался сделать ему выговор, но потом явно вспомнил, что все сказанное им будет услышано зрителями как на трибунах, так и в домах, резко остановился и вернулся в свою зону. Игроки Голубой Лилии в открытую расхохотались.

Окончательное-Правосудие жестом запросила перерыв. Все три игрока Белой Лилии отошли за линию, где могли пообщаться без лишних слушателей. Окончательное-Правосудие была немногословна и спокойна. Игрок со среднего корта отвечал, энергично жестикулируя, три-четыре раза повторил жест отрицания. Игрок с заднего корта попытался вставить реплику, но Окончательное-Правосудие подняла руку и заговорила снова, сохраняя спокойствие. Игрок среднего корта жестом опять выразил

несогласие и долго говорил, очевидно, что-то объясняя ей. Они вернулись на поле. У Окончательное-Правосудие вид был невозмутимый. Проходя мимо игрока со среднего корта, она вдруг развернулась и резко ударила его в колено рукой в фиксаторе. Треск ломающейся коленной чашечки был слышен по всему корту, и вопль игрока эхом раскатился на ошеломленно затихших трибунах.

Затем поднялся шум. Кефаль Бренд оцепенел в своем кресле. Послушник рядом с Ее-Дыхание-Объемлет воскликнул:

— Это не по правилам! Разве это по правилам?

Тем временем Окончательное-Правосудие спокойно прошла к центральной линии, взглянула на Семь-Сверкающих-Истин и доброжелательно улыбнулась ему.

Там она простояла десять минут, тихо бормоча себе под нос молитву девятого часа (Ее-Дыхание-Объемлет угадал, голос у нее был явно не певческий), пока монахи и помощники губернаторов совещались, перерывая столетние записи в поисках прецедента. Но, как выяснилось, нанести травму игроку собственной команды и тем вывести его из игры не было запрещено правилами.

* * *

Четвертый, запасной, игрок Белой Лилии, наверняка вообще не ожидавший появиться на поле, занял средний корт. Игра возобновилась. Окончательное-Правосудие двигалась с потрясающей точностью и феноменальной скоростью, посылая мяч от стены к стене сокрушительными ударами. Собственная команда еле за ней поспевала, хотя не случалось больше ни комичных недоразумений, ни непонятных усмешек.

И только когда счет стал 4:4, болельщики на трибуне Хариме поняли, что сестра Окончательное-Правосудие действительно способна одержать победу. Шум с противоположной стороны корта слегка изменился, и у Ее-Дыхание-Объемлет волосы на руках встали дыбом. Он не знал, ощутил ли еще кто эту перемену или она ему одному померещилась.

Белая Лилия заработала пятое очко: Окончательное-Правосудие выпрыгнула на метр над кортом, послав мяч прямо мимо Семь-

Сверкающих-Истин с его озадаченными напарниками на среднем и заднем корте. Внезапно зрители на трибуне Хариме вскочили и заорали. Губернатор Хариме сидел тихо, будто ничего не случилось. Он знал с самого начала, понял Ее-Дыхание-Объемлет. Она пришла и сказала, что может выиграть, и тем заслужила свою роль. Ему нечего было терять, а весь риск на себя принимала Окончательное-Правосудие. Любой был бы уверен, что она потерпит поражение, но теперь Кефалю Бренду грозила потеря кресла в Совете Четырех, и...

Внезапно Ее-Дыхание-Объемлет сообразил, что наделал. На корте муассанитовые зубы Семь-Сверкающих-Истин сверкнули в мимолетной усмешке.

Ее-Дыхание-Объемлет не хотел ничьей победы. Он хотел, чтобы игра остановилась, и сейчас же. Он с самого начала понимал, что в ней кто-нибудь умрет, что в конце матча на корте убьют настоящего человека, но доселе эта мысль оставалась для него абстракцией.

— Шесть! — сдавленным голосом воскликнул послушник рядом с Ее-Дыхание-Объемлет. Шесть-четыре. Белой Лилии оставалось всего четыре очка до победы. — Если следующее очко у них выиграем...

В этот момент игру можно было перетянуть на свою сторону. Если Голубой Лилии удастся заработать следующее очко, партия начнется сначала. Окончательное-Правосудие подняла мяч, готовясь к подаче.

Ее удар был прямым и сильным. Семь-Сверкающих-Истин, заметно нервничавший, среагировал выставить руку с опозданием. Мяч по-дурацки угодил ему в лицо и разбил рот. Матч прервали. Семь-Сверкающих-Истин уперся руками в колени и тяжело задыхался. Сплюнул кровь на корт. Выпрямился. Окончательное-Правосудие наблюдала за ним без всякого выражения. Она приняла переданный ей мяч для новой подачи.

Из Семь-Сверкающих-Истин и команды Голубой Лилии словно дух вышел вон. Белые быстро выиграли три розыгрыша подряд. 9:4, еще один судьбоносный момент. Если сейчас Голубая Лилия заработает очко, обе стороны вынуждены будут начинать с нуля. Гомон по обе стороны корта сделался так оглушителен, что Ее-Дыхание-Объемлет-Вселенную едва верилось в такой звук. Казалось, все вскочили, стоят и кричат. Если не считать торговца-

иносистемника, который, возможно, прикидывал, а мудро ли распорядился своими взятками. Если не считать аббата Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти. Если не считать тетрарха Кефалья Бренда и губернатора станции Хариме. Эти сидели молча и неподвижно.

Еще две подачи счет не менялся. Шум еще усилился, хотя это казалось невыносимым. Затем игрок, вышедший на замену в средний корт Белой Лилии, выдал высокую свечу. Мяч пролетел вдоль всего корта. Трое игроков Голубой Лилии стояли, опустив руки по бокам, и смотрели, как мяч приземляется... сразу за их линией. Рев болельщиков — зрители на стене Ноаж Итрая вскричали от досады, а на трибуне Хариме от торжества — пронизал воздух, подобно твердому объекту. Сестра Окончательное-Правосудие подошла к Семь-Сверкающих-Истин и заговорила с ним. Ее речь была бы слышна, не заглуши ее рев зрителей, а так Ее-Дыхание-Объемлет лишь видел, что ее губы шевелятся. Ее-Дыхание-Объемлет оглянулся на трибуну Хариме — кресло губернатора Хариме пустовало.

* * *

Монах, охранявший проход на половину Белой Лилии, подошел к аббату с тетрархом. Он поклонился и заговорил. Шум все еще был слишком оглушителен, чтобы Ее-Дыхание-Объемлет расслышал его слова, но было видно, как движутся губы монаха. Он увидел, как монах разводит руки: одно послание аббату, одно Кефалью Бренду.

Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти провел пальцами по руке монаха и затем поднес к своему уху, оставив тонкую, едва заметную мембрану. Кефаль Бренд выждал мгновение и последовал его примеру.

Спустя несколько мгновений Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти поднял руку и стер устройство. Заломив бровь, он обернулся к Ее-Дыхание-Объемлет и посмотрел на него. Сделал приглашающий жест, и Ее-Дыхание-Объемлет подался вперед.

— Следуй за мной, — сказал аббат, поднялся и пошел прочь. Ее-Дыхание-Объемлет последовал за ним. Монах Белой Лилии беглым жестом, словно бы совсем не задумываясь, поднял руку и коснулся уха Ее-Дыхание-Объемлет. Вдруг Ее-Дыхание-Объемлет услышал грубоватый голос Окончательное-Правосудие, тщательно

озвучивающий слова.

— Я бы этого не сделала, но ты сам выбрал вмешательство.

Он потянулся было коснуться устройства, но одернул себя. Запись продолжалась, голос звучал в ухе так близко и почти интимно, что мальчика пробила дрожь.

— Отныне ты в большой опасности, какой бы выбор ни сделал. Аббат станет тебя защищать лишь до тех пор, пока ты не выразишь неповиновения.

Под трибунами шум малость приглушило, и Ее-Дыхание-Объемлет услышал шаги позади. Он обернулся и увидел своего брата Кефаль Бренда. Ее-Дыхание-Объемлет быстро отвернулся и снова поглядел перед собой.

— Я помогу тебе, чем смогу, — сказала Окончательное-Правосудие. — Но всякая услуга имеет свою цену.

Прозвучал сигнал об окончании сообщения.

Он прошел за аббатом в комнату за линией Белой Лилии, где стояли Семь-Сверкающих-Истин и сестра Окончательное-Правосудие, а за их спинами губернатор Хариме, который поклонился тетрарху Кефалю Бренду, но небрежно. Когда Ее-Дыхание-Объемлет вошел следом за аббатом, Семь-Сверкающих-Истин взглянул на него.

Заговорил губернатор Хариме.

— В настоящий момент брат Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам более ценен, чем вы, губернатор Ноаж Итрая. Пока что вы еще тетрарх. Вы потеряли кресло в Совете Четырех. Вы не сможете его вернуть без достойной команды игроков в мяч. Или без щедрых взяток, которыми, раз вы больше не тетрарх, вам будет не так легко разбрасываться.

Ее-Дыхание-Объемлет ожидал, что Кефаль Бренд взорвется в приступе ярости, но ничего не случилось. Губернатор Хариме продолжил:

— Ноаж Итрай и монастырь Голубой Лилии нуждаются в Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам, если хотят сохранить какие-то шансы вернуть потерянное. Но конкретно в вас они не нуждаются, тетрарх.

— И на что вы намекаете? — произнес Кефаль Бренд шелковым, угрожающим тоном.

— У меня нет желания видеть зрелище чьей-либо смерти, — сказал губернатор Хариме, — а уж тем более смерти брата Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам. Я уже некоторое время обеспокоен тем, что мы привыкли принимать в конце Игры как должное. Я говорю не только за жителей, но и за нас, губернаторов. Действительно, эта мера призвана была удостоверить, что каждый взыскующий должности подлинно стремится к свершению воли Той-Кто-Явилась-Из-Лилии, но какой в ней смысл, раз мы не рискуем *своими* жизнями? Предлагаю вернуться к практикам, более или менее отвечающим исходному своду правил Игры. Я не требую вашей смерти, тетрарх, достаточно будет, если вы посвятите остаток жизни молитвам и аскезе. Нет сомнений, что это удовлетворит Ту-Кто-Явилась-Из-Лилии. Что может быть Ей слаще пожизненного обета?

Кефаль Бренд издал рыкающий смех.

— Поступайте как вам угодно. У меня нет поводов к отставке.

Всего на миг повисло молчание. Окончательное-Правосудие стояла тихо, поза ее выражала основательность. Семь-Сверкающих-Истин не сводил взгляда с Ее-Дыхание-Объемлет.

Аббат поклонился губернатору Хариме.

— Не знай я лучше, то предположил бы, что вы и впрямь принимаете Кефаля Бренда за человека, способного пожертвовать своими амбициями для блага жителей Ноаж Итрая. Но мы оба его слишком хорошо знаем. Никаких больше уловок, губернатор. Сделайте честную подачу.

Невозмутимый губернатор Хариме ответил:

— Дело тут еще и в том, что тетрарх подкупил игрока на среднем корте Белой Лилии, предложив ему сдать матч.

— И у нас есть доказательство, — прибавила сестра Окончательное-Правосудие. На Ее-Дыхание-Объемлет накатила такая волна тревоги, что он даже пошатнулся. Она что, ожидает его признания в содеянном?

Аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти качал головой в ужасе.

— Подтасовка выборов! Это серьезное обвинение. Вы сказали, что располагаете доказательством?

— Игрок признался, — сказала Окончательное-Правосудие. Ее-Дыхание-Объемлет вспомнил звук, с каким сломалась нога игрока, и подавил писк отчаяния.

— Губернатор, если я выдвину обвинение и предоставлю свидетеля, — сказал губернатор Хариме, — вы практически наверняка потеряете поддержку большей части населения. Дело вынесут на рассмотрение Совета Четырех, и вас так или иначе принудят уйти в отставку, а на ваш пост назначат кого-нибудь другого. В зависимости от того, кто это будет и кто окажется вашим врагом, вы окончите свои дни в тюрьме или даже подвергнетесь казни. — Он сделал паузу. — Вы можете избежать этого, уйдя в монахи и уступив свой пост брату, Кефалю Арешу.

Кефаль Ареш. Ее-Дыхание-Объемлет с трудом помнил, как его называли этим именем, оно казалось ему чужим.

— Кефаль Ареш еще ребенок, — презрительно бросил Кефаль Бренд. — Кроме того, он сбежал из дому и пропал без вести.

— На все Ее воля, — сказал губернатор Хариме. — Если вы не согласны или не в состоянии разыскать Кефаля Ареша, я вынесу свое обвинение на Совет Четырех и предоставлю свидетеля.

Молчание. Семь-Сверкающих-Истин и ухом не повел, продолжая смотреть на Ее-Дыхание-Объемлет.

Спустя несколько тягостных мгновений тишины заговорил Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти:

— О, если бы Кефаль Ареш сейчас был здесь...

— Вы сговорились против меня! — обвинил его Кефаль Бренд.

— Нет, — улыбнулся аббат. — Но я вижу возможность и пользуюсь ею.

Он опустил руку на плечо Ее-Дыхание-Объемлет.

Всякая услуга имеет свою цену. Окончательное-Правосудие не обязана была напоминать о том Ее-Дыхание-Объемлет, он и так это знал. Но без ее вмешательства чаши весов не были бы так явственно перекошены. Он уже оказал ей услугу. И за нее однажды, не исключено, потребует уплаты. Он не ребенок, он не глупец. В общем-

то все здесь отныне его должники: губернатор Хариме, в скором будущем тетрарх, Семь-Сверкающих-Истин и аббат.

— Я Кефаль Ареш, — сказал он, испытав облегчение и одновременно тревогу. Он тут же пожалел о сказанном.

Губернатор Хариме лишь слегка повел бровью. Он оказался почти так же спокоен, как сестра Окончательное-Правосудие.

— Ну что ж, ну что ж, — молвил аббат Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти. — Бывает и такое.

— Мои поздравления, аббат, — с горечью отозвался Кефаль Бренд. — Вы добились своего губернаторства.

— Нет, — мягко сказал Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти. — Оно принадлежит Кефалю Арешу.

Ее-Дыхание-Объемлет подавил дрожь.

— Итак, вы согласны? — спросил губернатор Хариме.

— В отшельники я не уйду! Аббат, вы же обязаны...

— Подтасовка результатов выборов, — печально молвил аббат, — очень серьезный проступок.

— Будьте вы прокляты! — огрызнулся Кефаль Бренд. — Ну и ладно. Пускай Ареш становится губернатором, и посмотрим, много ли пользы вам это принесет.

— Губернатор, — сказала Окончательное-Правосудие, и Ее-Дыхание-Объемлет, оторопев, понял, что она к нему обращается, — мне бы хотелось выдвинуть предложение о судьбе брата Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам: пускай она определится по новым правилам.

Ее-Дыхание-Объемлет быстрым жестом выразил согласие.

— Да. Пусть так и будет.

— Отлично! — проговорил Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти. — Уверен, что мы проведем уместную случаю церемонию, и Семь-Сверкающих-Истин останется жив для новых игр.

Семь-Сверкающих-Истин, который все это время оставался безмолвен, обернулся к Окончательное-Правосудие.

— Сестра! — воскликнул он. — У вас больше веры, чем у меня, а я над вами за это подтрунивал. Вы прощаете меня?

— Я прощаю вас, — спокойно, уверенно, непоколебимо отозвалась Окончательное-Правосудие.

— Я был вполне уверен, что это вам суждено умереть. Я был так уверен. Я позабыл... — он прервался, моргнул. — Я позабыл, что это Она определяет наши поступки, а не мы сами. Хотя Она часто показывалась мне, так часто. Я всю свою жизнь, начиная с детства, провел, уверяя себя, что поклоняюсь Ей, а в действительности поклонялся сам себе. И вот Она сделала мой самообман явным даже для меня самого.

Семь-Сверкающих-Истин переместился туда, где стоял Ее-Дыхание-Объемлет, а аббат все еще не снимал руки с плеча мальчика, и пал перед ними на колени.

— Возрожденный! — воскликнул он. — Я должен был прислушаться, к тебе и аббату равно! Пожалуйста, прости меня!

Кефаль Бренд и губернатор Хариме озадаченно переглянулись.

— Брат Семь-Сверкающих-Истин, — пояснил аббат, — полагает, что Ее-Дых... Кефаль Ареш — реинкарнация святого Пусть-Ее-Веления-Станут-Зеркалом-Твоего-Сердца.

Кефаль Бренд фыркнул.

— Мне стоило бы испросить твоего благословения перед игрой, — продолжал Семь-Сверкающих-Истин. — Мне следовало бы испросить благословения Она-Велит-Я-Повинуюсь.

Он схватил руки Ее-Дыхание-Объемлет и поцеловал их. Ее-Дыхание-Объемлет смутился.

— Я поклялся, что вверю себя Ее воле, если бы даже и ценою собственной жизни, — сказал Семь-Сверкающих-Истин. — И если я отступлю от этого обета, значит, моя вера была притворством. Перенесите новую церемонию на следующий матч.

— Вы уверены, брат? — спросил губернатор Хариме. — Никто не станет вас упрекать.

— Не станет, — торопливо подтвердил Ее-Дыхание-Объемлет.

— Нелегко понять волю Богини, — молвил аббат. — Мы все делаем лишь то, что в наших силах.

— Она велит, — сказал Семь-Сверкающих-Истин. — Я повинуюсь. Сестра поймет.

— Да, — подтвердила Окончательное-Правосудие, не моргнув глазом.

* * *

Сестра Окончательное-Правосудие убила Семь-Сверкающих-Истин так же, как справлялась с любой работой — уверенным и точным движением.

После этого аббат с Ее-Дыхание-Объемлет направились в сторону линии Голубой Лилии, а за ними следовали монахи среднего и заднего кортов, неся тело Семь-Сверкающих-Истин. Ее-Дыхание-Объемлет не мог выдать ни звука, пока не миновал линию. Кровь Семь-Сверкающих-Истин еще не засохла на его мантии. Ему хотелось сорвать с себя одеяние, стереть из памяти картину Семь-Сверкающих-Истин, неловко оседающего вперед, пока Окончательное-Правосудие сжимает руками его голову.

Он пересек линию. Кефаль Бренд, ожидавший там, горько сказал, обращаясь к Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти:

— Неважно, что происходит, пока получаешь то, к чему стремишься.

Ее-Дыхание-Объемлет спустя омерзительный миг понял, что Кефаль Бренд говорит о себе, а не о Семь-Сверкающих-Истин.

— Все мы порой так думаем, — согласился аббат невозмутимо. Как он спокоен! А ведь Должен-Ли-Я-Один-Избежать-Смерти выиграл три игры, трижды совершил то, что сейчас проделала сестра Окончательное-Правосудие.

— В других же случаях — не так. Я пошлю вам иконы, дабы вы в отшельничестве могли возносить им молитвы. Иконы святого Семь-Сверкающих-Истин-Что-Сияют-Подобно-Солнцам и Она-Велит-Я-Повинуюсь.

Он покосился на Ее-Дыхание-Объемлет.

— Губернатор, полагаю, вас не стоит дополнительно поощрять к вознесению молитв Она-Велит-Я-Повинуюсь?

Ее-Дыхание-Объемлет задумался о подслушанных переговорах, о святом Пусть-Ее-Веления-Станут-Зеркалом-Твоего-Сердца, которого утопили прежде, чем тот успел рассказать преемнику, что самая секретная келья монастыря в действительности прослушивается. Об аббате, который наставлял его, как знание того, что неведомо другим, обязательно дает преимущество. Подумал он и о сестре Окончательное-Правосудие, о ее сильных руках, запахе кожи, о ноже в ее руке, о Семь-Сверкающих-Истин... нет, не надо... о том, как ее голос в его ухе предупреждает насчет аббата. *Я помогу тебе, чем смогу.*

— Нет, аббат, — сказал он. — Не стоит.